

ЗОЛОТО КОРМИТ, ЗОЛОТО ПОИТ, ЗОЛОТО НАГИШОМ ВОДИТ

ИЗ СОТЕН ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ, В РАЗНЫХ СТРАНАХ И В РАЗНОЕ ВРЕМЯ УСТРЕМИВШИХСЯ В ПОГОНЮ ЗА ДРАГОЦЕННЫМ МЕТАЛЛОМ, ЛИШЬ ЕДИНИЦАМ УДАЛОСЬ ВЫРВАТЬСЯ ИЗ НИЩЕТЫ. КРУПНЫЕ КАПИТАЛЫ НАЖИВАЛИСЬ НЕ НА ЗОЛОТЕ, А НА СТАРАТЕЛЯХ

Португальцы везли его из Африки, испанцы из Америки. Может показаться, что в эпоху Великих географических открытий золото полилось в Европу рекой, однако вплоть до 40-х годов XIX века мировое производство этого металла не превышало 20 т в год. Ситуация изменилась лишь в середине столетия, когда в России, Калифорнии, Южной Африке, Австралии и Канаде одна за другой стали вспыхивать золотые лихорадки. В 1859-м, например, было добыто уже 259 т золота, а к 1900 году его производство достигло таких масштабов, что в большинстве стран утвердился золотой стандарт — свободный обмен на золото бумажных купюр.

ЕЛЕНА ЧИРКОВА

357. "We have It Rich." - Washing panning gold, Rockerville, Dak. Old timers, Spriggs, Lamb and Dillon. Photo and copyright by Crab

«Вот мы и богаты». Трое старателей в Рокервилле, штат Дакота, промывая породу, нашли золото. Известны даже имена этих счастливицев, хотя фотографии больше 120 лет (сделана в 1889 году): Сприггс, Лэм и Диллон

and
work.
889.

В России еще Петр I поощрял своих подданных к тому, чтобы те искали «песочное», «рассыпное» золото. Он издал ряд указов, гарантировавших награду тем, кто россыпь найдет, и наказание за его утайку. В 1719 году царь и вовсе объявил «горную свободу»: право искать золото получал каждый. Если месторождение обнаруживалось на казенных землях, тому, кто его нашел, выделялся земельный участок в «250 сажень долготы, 250 сажень ширины» (около 25 га) для ведения добычи. На помещичьей земле преимущественное право на разработку имел хозяин вотчины. Однако если он не имел охоты этим заниматься, то должен был «терпеть, что другие в его землях

руду и минералы искать и копать, и перерабатывать будут». Все добываемое золото в обязательном порядке продавалось казне (позже это условие было отменено), а с выручки уплачивалась 10%-ная подать.

Месторождения «песочного» золота во времена Петра находили на Урале повсеместно, но ввиду их относительной бедности тогдашними методами вести добычу было убыточно. В 1745 году в Пермской губернии обнаружили наконец рудное золото, и заработал один из первых в стране казенных приисков, впоследствии названный Берёзовским. Следующие 70 лет развитие золотодобычи шло ни шатко ни валко, в частности, из-за

того, что в 1782-м Екатерина II «горную свободу» на частных землях отменила (собственностью помещика была объявлена не только сама земля, но и ее недра), а на казенных ограничила (чтобы получить участок, нашедший месторождение должен был заключить договор с местной администрацией, которая вольна была ему отказать). Более того, владеть прииском по указу императрицы могли только дворяне.

ГОРНАЯ ПОЛУСВОБОДА

Все резко изменилось с началом войны 1812 года. Нужно в деньгах заставила Александра I вернуть «горную свободу». Мера эта возымела действие: уже через два года «песочное золото» нашли в Пермской губернии, рядом с Берёзовскими приисками. Горный мастер Лев Брусницын не столько открыл месторождение (его обнаружили давно, но не разрабатывали по причине нерентабельности), сколько предложил технологию промышленного извлечения рассыпного золота. Этот успех и вновь дарованная «горная свобода» породили настоящий бум. Начался «век большого золота». В 1827–1830 годах россыпи были найдены в Томской губернии, Красноярском и Минусинском округах, в бассейне Ангары, в районе Нерчинска. Во второй половине 1830-х — в районе Ачинска, Верхней Тунгуски (Ангары) и в долине Енисея; в 1843 году — в Забайкалье; три года спустя золото начали добывать в Олёкминском округе в бассейне реки Лены (Якутия); а в 1860-е возник посёлок золотодобытчиков Бодайбо в Иркутской губернии. С 1830 по 1842 год добыча золота в стране выросла с 5 до 11 т, что составляло 60% мирового производства. Росту добычи также способствовал появившийся в 1838 году указ, разрешавший владеть приисками не только дворянам, но и купцам первой гильдии, почетным гражданам. Правда, мировым лидером в области золотодобычи Россия оставалась недолго — уже в 1850-е с открытием месторождений в Калифорнии и Австралии ее доля снизилась до 12–13%.

Российские золотые лихорадки по масштабу значительно уступали американским. Если в те оказались вовлечены сотни тысяч человек, то у нас даже в образовавшейся на правом, китайском, берегу Амура и жившей по собственным законам «Желтугинской республике», где золотоискательство приобрело относительно массовый характер (поскольку не контролировалось властями), число старателей не превышало 12 000–16 000 человек. А на всех многочисленных приисках Восточной Сибири было занято всего 40 000.

Помимо того что отнюдь не любой подданный русского царя имел право добывать золото, существовало множество других причин, ограничивавших

массовый приток людей в районы золотодобычи. Месторождение необязательно доставалось тому, кто его обнаружил, первооткрывателю могли лишь выплатить вознаграждение. Да и отвод земли под разработку стоил очень дорого, около 2000 рублей, в США это обходилось раз в тридцать дешевле. Сдерживающим фактором было и крепостное право. Наняться на прииск было не просто и свободному деревенскому жителю: в районах добычи местные власти, дабы не лишать сельское хозяйство рабочих рук, часто запрещали нанимать на прииски и принимать в старательские артели окрестных крестьян. Имелся у чиновников и такой инструмент, как подорожные, без которых нельзя было сменить лошадей на почтовой станции. Их, например, перестали выдавать до ближайших к россыпям пунктов во время золотой лихорадки на Амуре. Жестко регулировали власти и старательство. Каждая артель была приписана к тому или иному прииску, куда в обязательном порядке продавала все найденное золото по очень низкой цене. В середине XIX века, например, рыночная стоимость золотника (4,3 г) составляла около 5 рублей, а у уральских старателей его принимали по 1,7–1,8 рубля. Мало того, владельцы приисков должны были получать отдельное разрешение на использование старателей, которое выдавалось с большим скрипом. В этом была своя логика — во-первых, артели брали то, что легко давалось в руки, заваливая отработанный породой хорошие еще жилы, и, во-вторых, существовала практика создания фиктивных приисков, где работы не велись вовсе, а приобретенное у старателей золото выдавалось за добытое.

ТРУД И КАПИТАЛ

Преодолеть бесконечные препоны по силам было лишь крупным предпринимателям, которые и владели большинством приисков. Они также не могли продавать золото на рынке, а должны были сдавать его казне по твердой цене. Когда цены несвободны, неизбежно возникают разного рода черные схемы. Старатели по мере возможности продавали золото перекупщикам, которые давали приблизительно в два раза большую цену. Обычно этим нелегальным бизнесом занимались крутившиеся около любого прииска спиртоносы, или «едущие на бутылке». В очерке «В горах» Мамин-Сибиряк описывает крупнейшую сибирскую ярмарку в Ирбите, на которой шла бойкая торговля утаенным от казны металлом. Туда съезжались «такие азияты, с шарманками, с пуговками, с мылом... для отводу глаз». Торговцев на дорогах ловили; исправник «помельче кого — в острог, а покрупнее — оберет как липку».

Управляющие казенными приисками тоже не прочь были поживиться за счет казны. Они, как

АВТОР

ЕЛЕНА
ЧИРКОВА

Специалист по корпоративным финансам. К. э. н., доцент НИУ-ВШЭ. Автор книг «История капитала от «Синдбада-морехода» до «Вишневого сада», «Анатомия финансового пузыря» и др.

1 К 1910 году, когда сделан этот снимок, золото давно уже научились мыть промышленным способом, но старатели по-прежнему использовали дедовские методы, как эта троица на Берёзовском прииске

2 Высадившись на побережье Аляски, нагруженные огромной поклажей золотоискатели должны были перво-наперво преодолеть тяжелейший перевал Чилкут

свидетельствует в очерке «Золотуха» Мамин-Сибиряк, принимаемый у старателей по 1,7 рубля за золотник металла раскладывали на поденщину, то есть записывали как добытое. При этом себестоимость указывали от 3,5 до 4,5 рубля, а разницу — около двух рублей с золотника — клали себе в карман и таким образом «за здорово живешь получали... двести тысяч рубликов в год».

Купцы, заправлявшие приисками, как правило, владели еще и винокурнями, чью продукцию сбывали своим же рабочим. Доход это приносило зачастую не меньший, чем сама добыча, и, в отличие от нее, верный. Торговали они также хлебом, чаем, сахаром, табаком, бакалеей, гастрономией, керосином, обувью, готовым платьем, пряжей и пр. По данным за 1910 год, почти 95% золотопромышленников средних сословий владели еще какими-то предприятиями. «И побочными от золотопромышленности доходами, не рискуя, прожить можно», — в этой фразе, написанной в начале прошлого века, ключевое слово: «не рискуя».

Владельцы приисков относились к своим работникам по-разному. Одни строили в поселках церкви, школы, больницы, бани, сносно кормили людей, полностью запрещали продажу водки. Другие обращались с рабочими как со скотом, селили в чудовищных бараках (невыносимые условия, в которых жили рабочие, ярко описаны в романе Вячеслава Шишкова «Угрюм-река»), спаивали, причем не только чтобы нажиться, но и с целью притушить социальный протест.

Непосильный труд был и уделом старателей: «Бабы в брюхе еще тащат робят на прииски... потом, чуть подрос, — садись на тележку, вези пески, а потом... полезай в выработку».

ДЕБЕТ И КРЕДИТ

При всем том заработка уральских старателей были в среднем раз в 10 выше, чем крестьян, а на Амуре и того больше: неопытный старатель без специального снаряжения на дневную добычу — 5–6 золотников — мог купить почти пуд мяса. Кажется много, но эта цена значительно превышала ту, которую пришлось бы заплатить на обычном рынке. В «Желтуге», например, в сравнении с соседним Благовещенском цены были выше в 2–5 раз: мясо — 12 против 4 рублей за пуд; сахар — 10–11 против 3,2; топор — 10 против 5; лист кровельного железа — 10 против 1,1. Связано это было как с монополизацией поставок (независимых торговцев гоняли, подключая полицию), так и с высокими расходами на транспортировку грузов. В Сибири расстояние от магистральной дороги до прииска могло составлять и 1000 верст. Двигаться зачастую приходилось по просекам, а то и по охотничьим тропам, проложенным сквозь

непроходимую тайгу. Телеги для этого не годились, и использовали вьючных лошадей. А ведь доставлять нужно было не только продукты, но и инструмент, материалы, фураж для рабочих лошадей. Останавливались обозы на зимовьях, где за ночь с проводника и двух лошадей могли запросить рубля четыре — стоимость хорошей пары женской обуви. В 1885 году, когда вспыхнула желтая лихорадка на Амуре, тамошние вольные ямщики брали по 15 рублей «за одну станцию» — перегон в 25–30 верст.

Но, повторимся, даже при столь высоких ценах зарабатывали старатели весьма прилично. Беда в том, что деньги, как правило, у них не задерживались. Это были «вечные качели»: заработал — прокутил — заработал... По свидетельству Мамина-Сибиряка, уральские мужики, выручив за золото деньги, не вылезали из кабаков, пили и угощали других, затевали катания на людях, золотили крыши своих изб, как церковные купола.

Как «зажигали» старатели «Желтуги», красочно описано в сборнике «Сибирские рассказы из жизни приискового люда» (СПб., 1888): «Опьяненные в буквальном смысле рассыпанным под ногами богатством старатели пускались в дикий разгул, старались перещеголять друг друга своей разнузданностью. Во время обычного получасового полдника в котел с кипящей водой кидали фунты очень дорогого чая и огромные головы сахара. Дорогую привозную одежду и обувь носили один день, после чего все выбрасывалось, заменяясь новым». В «Амурской Калифорнии» становится популярна картежная игра: «простой крестьянин ставил по 4000 рублей на карту и, ничуть не смущаясь, проигрывал эту сумму, в действительности представлявшую для него целое богатство, на которое он мог прекрасно обставить свое сельское хозяйство и прожить безбедно всю жизнь».

И это отнюдь не особенность русского национального характера. Один из героев Брета Гарта, списанный с реального человека, выгодно продав свой золотоносный участок, за один день проигрывает в казино Сан-Франциско почти полмиллиона долларов на современные деньги. Австралийские старатели, навеваясь в Мельбурн, тоже не знали удержу: «Один малый, который до того никогда не пробовал шампанского, скупил весь запас отеля, опустошил его в лошадиную поилку и пригласил всех желающих отведать»; другие «прикуривали трубки от пятифунтовых купюр»; третьи «отсыпали горсть золотого песка извозчикам».

АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА

Но в сравнении с тем, сколько народу было вовлечено в золотые лихорадки, разбогатеть удавалось очень небольшому числу старателей, хотя и в Америке, и в Австралии, и в Южной Африке они могли свободно

1 Лотки для промывки золота бывают деревянными и металлическими. Несмотря на кажущуюся простоту, при изготовлении этого инструмента следует соблюдать определенные правила. В частности, угол между плоскостями должен составлять около 140°

2 Доусон был центром золотодобычи на Аляске. Здесь, в частности, находилась контора, где производился анализ добытого металла

3 Золотые лихорадки — всегда полный интернационал и всегда картежная игра. Это и хотел показать американский художник, избравший на картинке, напечатанной в 1875 году, китайца, уличившего в шулерстве своего партнера-американца

распоряжаться тем, что добывали. Когда в 1848 году в Северной Калифорнии нашли золото, туда съехались около 300 000 человек со всего света, даже из Австралии и Азии. Из соседнего Сан-Франциско ушло все мужское население, в городе была заброшена половина домов. Как пишет историк Лилиан Крете: «На золотые рудники уехали даже солдаты и матросы. На борту военного корабля «Анига» осталось всего шесть человек. Один корабль с Сандвичевых островов оказался вообще покинутым экипажем». Газета «Калифорниэн» объявила о своем закрытии: «От нас ушли все — и читатели, и печатники».

Там, где находили золото, сразу резко взлетали цены. В Калифорнии, в усадьбе Джона Саттера, рядом с которой было найдено золото, комната стоила больше 2000 долларов в месяц (здесь и далее все цены даны в сегодняшних единицах). За лопату или черпак торговцы просили не менее 200 долларов, за одну свечку — 20, свинина и вяленая говядина шли почти по 100 за килограмм, картофель — по 8, бутылка рома обходилась дороже 170, а револьвер — 3500. Повару платили 200–300 долларов в день, за стирку рубахи прачка брала не меньше 20 и зарабатывала больше, чем ее муж на прииске. Иными словами, торговцы, перевозчики, обслуживающий персонал извлекали больше прибыли из труда золотоискателя, чем он сам. Брет Гарт в «Миллионере из Скороспелки» рассказывает о старателе, который, обнаружив артезианский источник, делает состояние на воде — продает ее для промывки руды. На калифорнийской лихорадке поднялся знаменитый джинсовый король Леви Страусс — он продавал золотоискателям рабочие штаны.

Из-за обесценивания денег нищали те, кто не был связан с золотодобычей или ее обслуживанием: так, ни один офицер в Калифорнии не мог в то время прожить на свое жалованье. А в Восточной Австралии из-за золотой лихорадки потеряли свой социальный статус английские аристократы. В обиход вошла присказка: «Важно, не кем ты был, а кто ты сейчас». «Теперь аристократия — это мы», — кричали пьяные австралийские рудокопы в кабаках.

В 1860-е годы, когда золотая лихорадка сменилась серебряной, в Западную Калифорнию попадает Марк Твен. В автобиографическом романе «Налегке» он пишет: «Мы лезли из кожи вон, чтобы захватить как можно больше «футов». Мы занимались разведкой, открывали новые месторождения, прикрепляли к ним заявки и давали им пышные наименования... Вскоре мы уже были совладельцами таких приисков, как... «Филадельфия монетного двора»... «Умри, но добудь»... «Сокровищница»... и с полсотни других «разработок», еще

нетронутых ни кайлом, ни заступом. Нам принадлежало не менее тридцати тысяч футов на брата в «самых богатых в мире рудниках» — как их усердно рекламировали, — но мы задолжали мяснику... и в бакалейной лавочке нам не отпускали в кредит. Странная это была жизнь. Какая-то оргия нищих. Весь округ бездействовал — ничего не добывалось, не обрабатывалось, не производилось, не приобреталось — и на всех приисках не нашлось бы денег на покупку сносного участка в восточных штатах — а между тем со стороны могло показаться, что люди купаются в деньгах».

Твен выдержал недолго: «Наконец, когда... никто уже не давал денег займы иначе как из восьми процентов в месяц, и то под верный залог (а у меня и залога не было), я бросил старательство и подался в промышленность. Другими словами, я поступил простым рабочим на обогатительную фабрику — за десять долларов в неделю плюс харчи».

Недолго продержался и Джек Лондон на Клондайке, куда он попал во время юконской золотой лихорадки 1897–1898 годов. Экспедиция была опасной и безумно дорогой. Тысячи долларов, которые выручила сестра писателя, заложив дом, едва хватило на снаряжение и дорогу. Путь до Доусона, палаточного городка с 5000 жителей, был сам по себе чрезвычайно труден, а ведь каждый старатель должен был везти с собой еще около тонны груза. Примерно половина — это одежда и инструменты, другая — годовой запас продовольствия, без которого канадские пограничники не пускали в страну.

Джек Лондон в сборнике автобиографических рассказов «Смок Беллью» пишет, что индейцы-носильщики взвинтили цены за переноску тонны груза через перевал до места, где начинался 800-километровый водный путь, до 15 000 долларов в современных ценах, а там лодочник запросил за сплав еще 10 000. Сам Лондон работал лодочником целое лето и заработал 75 000.

Несмотря на то что люди везли с собой много продовольствия, еда в Доусоне была дорогой. К примеру, лосиное мясо, притом что оно добывалось на месте, стоило около 100 долларов за килограмм, мука и бобы по 80, «да и то недостаток». Когда прошел слух, что найдена богатая россыпь золота, герои Лондона, Смок и Мальш, решили скупить все собачьи упряжки в поселке, чтобы добраться до месторождения первыми. За 15 собак им пришлось заплатить на современные деньги 157 000 долларов. При таких ценах даже тем немногим старателям, которым посчастливилось найти перспективный участок, разбогатеть было трудно. Что касается Лондона, то он не сумел добыть ни одной унции.

В эссе «Экономика Клондайка» Лондон подвел итог юконской золотой лихорадке. В 1897 году там

искали золото 25 000 человек, в 1898-м — 100 000. Каждый вез с собой минимум 600 долларов. Итого 75 миллионов. Справедливая зарплата в суровых условиях Крайнего Севера, по мнению Лондона, — 4 доллара в день, или приблизительно 150 миллионов на всех золотоискателей. Итого: $75+150=225$ миллионов, а золота было добыто всего на 22 миллиона!

ВОЖДЕЛЕННАЯ СТРАНА КАТОРЖНИКОВ

Если в 1848 году австралийцы стремились попасть в Калифорнию, то спустя три года им уже никуда не надо было плыть — золото нашли в восточном штате Виктория, примерно в 100 милях от Мельбурна. Ловить удачу устремились даже государственные служащие: 80% полицейских штата подали в отставку и отправились на прииски. Население Виктории, насчитывавшее в 1851 году 77 000 человек, за 20 лет выросло до 730 000, главным образом за счет прибывших с других континентов. Залив Порт-Филлип под Мельбурном превратился в стоянку брошенных кораблей-призраков. Вслед за пассажирами-золотоискателями их покидали и команды, часто вместе с капитаном. На пике лихорадки золото искали и добывали 40 000–50 000 человек. Приезжали семьями, причем наплыв не могла сдержать даже высокая цена лицензии на разведку — около 100 фунтов в месяц в современном выражении. Многие, попытав счастья, выбирали менее хлопотные и более надежные занятия — становились возчиками, плотниками, сапожниками, мясниками, открывали всевозможные лавки.

Цены в Виктории, как и везде, где обнаруживалось золото, значительно выросли. И не только из-за роста населения и обесценивания денег, но и потому, что почти все фермеры штата побросали свои занятия и ушли на прииски. Относительно дешевым было лишь мясо: оно рядом с приисками паслось — в Виктории тогда поголовье овец насчитывало 6 миллионов! «На завтрак и на ужин по стейку, а в обед для разнообразия бараньи ребрышки... И так месяц за месяцем», — сетует в воспоминаниях один из старателей.

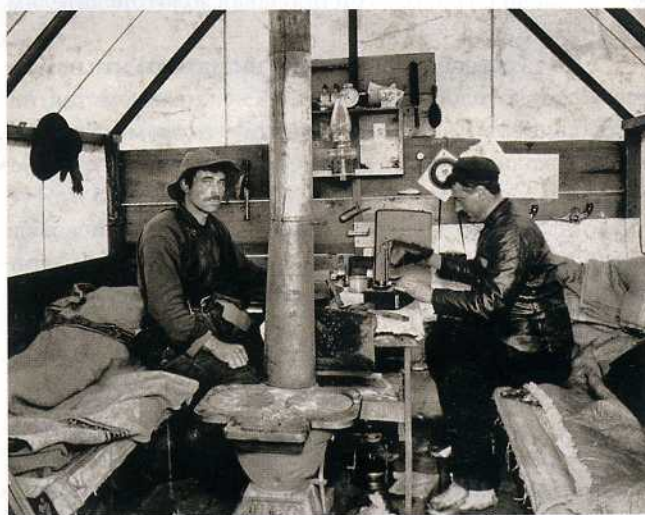
В 1850-е годы Виктория давала треть мирового производства золота. Интересным следствием золотой лихорадки было то, что с ее началом английское правительство перестало ссылать в Австралию преступников — не было смысла бесплатно везти их туда, куда многие стремились попасть за большие деньги.

Когда в Австралии ажиотаж вокруг золота стал сходиться на нет, лихорадка вспыхнула в Южной Африке, где залежи были обнаружены в 1886 году (во многом из-за золота разразилась Англо-бурская война 1899–1902 годов — англичане стремились прибрать прииски

к рукам). Маленький поселок старателей Йоханнесбург за 10 лет превратился в стотысячный город, один из самых крупных в Южной Африке. На пике лихорадки сюда стекалось по 2000 человек в неделю — европейцев, индийцев, китайцев, арабов, австралийцев, американцев, канадцев, новозеландцев. Население росло так быстро, что первое время власти не могли организовать доставку продовольствия в достаточном количестве. Муку везли со всей Южной Африки, но ее не хватало и приходилось вводить нормы: белым полагалось в день два фунта пшеничной, черным — три фунта маисовой.

Улицы в центре современного Йоханнесбурга узкие, кварталы небольшие — это бывшие делянки старателей: простые — 50×50 футов (15×15 м) и двойные — 50×100 футов. Их нарезали так мелко, чтобы каждый мог получить участок. Но низкое содержание золота в руде делало добычу примитивными методами нерентабельной, и скоро все «вольные предприниматели» превратились в наемных рабочих на шахтах (сегодня добыча ведется на глубине около 4000 метров) и обогатительных фабриках, которыми владели крупные компании.

Главный герой романа Марка Твена «Налегке» нашел в ручье какие-то блестящие крупинки и принес их в старательский поселок, но оказалось, что это «осколки гранита и никудышная слюда». Герой «философически заметил, что не все то золото, что блестит». В ответ старый кузнец посоветовал ему «не останавливаться на этом, а пополнить свою сокровищницу знаний той истиной, что все, что блестит, не золото».

Рабочий день закончен. Старатели вернулись в свою хижину и взвешивают намытый золотой песок